
Хорошо в темноте
И в таинственной праздности ночи
Заблудиться в чужих временах,
Посидеть кое с кем тет-а-тет,
Зная все наперед, замирая – а вдруг! – что есть мочи
Торопясь – без понятий,
Что высветит утренний свет.

Вот, верхом на осле
На пасхальную службу, на гору
Поднимаюсь я вместе с другими
Навстречу встающей заре.
Кто молитву творит, кто запальчиво, истово спорит.
Рассыпаются блики
По красной библейской земле.

Захочу и пойду
С Маймонидом в Египет, в изгнание,
Поселюсь рядом с городом мертвых –
Не схватят меня, не сожгут,
И своим колдовским, потайным, исключительным знаниям

Я найду примененье,
Обучая султана добру.

Хорошо в темноте
И в таинственной праздности ночи
Ворошить, как огонь кочергой,
Вспоминая и этих и тех –
Белоснежных и в чем-то зябло пустых и порочных,
Отлетающих вдаль,
Не встречая каких-то помех.

Осень рассыпала капли размером с горошину.
Куртку достать с капюшоном, пока что не ношеную,
Туфли на толстой подошве, упорной к износу,
Пару тетрадей в предчувствии – рифма на сносях,
Пару бутылок пузатых шотландского виски –
Не беспокойся, я без перебора, без риска.
И совершенно не важно – сегодня жара или тучи.
Пасмурность – это на лирику, так даже лучше.
Вот одиночества, как ни крути, не получится –
Рядом такое забавное чудище крутится.
Волчьи глаза меня всюду найдут, даже если прищурены.
Так наблюдал за мной тысячу лет назад пьяненький шурин.
Сам-то он был выпивоха, ходок, каких мало,
Но за сестру его сердце, гляди-ка! – переживало.
Осень рассыпала капли размером с горошину,
Так навалилась, так быстро, так рьяно, непрощенно!
Мне от нее никуда не укрыться, не деться –
Разве что в самый глухой закуточек из детства.

Наш узкий круг, наш тесный закуточек
В большом, в огромном городе-вампире.
Молитвы – тексты, в стразах многоточий
И ритмов из покинутого мира.

Где все казалось грубым, неудобным,
Займствованным в каждой третьей пяди.

Где ложь шла рядом – беззаботный спутник,
А правда в колпаке, курьеза ради.

Мы привозили как багаж свои привычки,
Средь них прилипчивый до слез дворовый навик.
В нем все за одного – закон и смычка,
Не для торжественных минут и не для славы.

Мы там учились говорить намеком,
Там каждый шепот слыл за откровенье.
Мы заново теперь слагаем строки,
Сплетая их из тех, привычных звеньев.

Привычное выматывает жилы,
Привычное цепляет, сносит крышу.
Теперь кричи, кричи, что было силы –
Но в этом гуле, кто тебя услышит...

Я не звоню по старым номерам.
Боюсь услышать – «Телефон отключен!»
С ним только разговаривал вчера –
Его уж нет. И у других не лучше.

Чума на дом. Грядет сезонный мор.
А пресса врет о буме населенья.
Еще не в курсе? – с некоторых пор
Мне стали урезать и годы и мгновенья,

В которых локтю все тесней, тесней,
Так тесно от событий, поворотов,
Что впору по обочине – по ней
Топ-топ пешком, неспешным видом спорта.

Какое время – жить! Но все дела, дела.
Доверился сети, а в ней протечка –
Там роют компромат, там требуют бабла,
Ну, чем тебе не *штетл* – еврейское местечко.

Отличие лишь в том, что много пьют,
Стригутся под нолевку – вместо пейсов.
В эпоху бесподобную мою
Вплетают свежий день с отрыжкой и песней.

Так все привычно и тем удивительней – женщина.
Более древняя, более умная, гибкая –
Чаще – чем те, кто на них так торжественно женятся,
Словно увлекши обманом на ленточку липкую.

Мать и любовница, друг – не предатель, служанка –
Сколько различных обличий в одной умещается.
Все, что трудом непосильным – к ногам, и не жалко.
Ей же нужнее всего – непонятное – женское счастье.

Это такая штукавина – в мире грядущего,
В мире бесполом, взамен – с каучуковым сексом,
Эта графа, насчет счастья, – изъята, пропущена,
Чтоб уравнивать несравнимое, пошло, по-честному.

Когда строка тебя ведет за руку,
Указывая путь в кромешной тьме,
Когда ты чувствуешь, что движешься по кругу,
Стараясь втиснуться в размер,

Когда раздрай невероятных мнений
Тебя поставит к стенке – изнутри,
Поскольку в каждом более, чем менее,
На всю вселенную сияют фонари,

Ты лишь в себе предельно осторожно
Нащупаешь единственный трамплин,
С которого слегка подпрыгнуть можно.
Где приземлишься – не беда, гони!

Под гору, в преисподню, в кратер –
Могилу спекшихся страстей.
И только помни, что читатель
Окажется тебя умней.

На севере – зябко, на юге – тепло.
Есть определенность – опорная точка.
Но, вдруг, нас как будто на Марс занесло,
Нас – с чисто земными и сердцем и почками.

Здесь все непривычно, вновинку, врасплох.
Неловкий шажок – и адью, до свидания.
Здесь все наше прошлое – чага, нарост.
На этой твердыне – мы гости незваные.

Здесь вся наша техника – мусор и хлам.
На Марсе летают движением мысли.
Ты только подумал, и ты уже там,
Где в списках нигде, никогда и не числился.

Здесь свет Возрождения – гнусный расизм,
В нем нет ни малейшей искры марсианства.
Все наши вершины для них – это низ,
А наше искусство – зазнайство и хамство.

Здесь климат меняет *ремоутконтрол*.
Нажал – и пустыня сменяется тундрой,
Иль парус пятнит океанский простор.
К такому привыкнуть, конечно же, трудно.

Как наше родное запущено вдрызг –
Вам все объяснят просвещенные гиды.
И только привычный антисемитизм
Здесь тоже присутствует в развитом виде.

ВЕСНА НА ШПРЕЕ

С рассветом – в атаку, вдоль Унтер-ден-Линден.
Последняя ночь беспросветно черна.

Припомнит из Гете комбат Сема Фридман,
А Моня Рецепттер осушит до дна.

С рассветом – в атаку, машины застыли.
Исписана мелом, по-свойски, броня.
Весна разгулялась с интимным посылом.
Ее и не думал никто отменять.

Как по расписанью – от корки до корки
По всем закоулкам – под стать временам –
Весна на дорогах, весна на задворках,
Весна в поднебесье, повсюду весна.

И в сердце солдата найдется местечко,
Размякнет в предчувствии майской грозы,
Набухнет слезой – не от страха увечий!..
Его по-пустому, за так – не сразить.

Он горем обучен, за ним – пол Европы.
У каждого метра – такая цена!
Разменной монетой – солдатские хлопоты,
И ночь, эта ночь бесконечно длинна.

С рассветом – в атаку, вдоль Унтер-ден-Линден.
Над струями Шпрее хмельная весна.
Припомнит из Гете комбат Сема Фридман,
А Моня Рецепттер осушит до дна.